

Левану Лонгинозовичу с благодарностью за беседу
на Земле. Мы здесь еще земляки!

27.03.81. *Лонгу*

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Леван Стажадзе

«Дорогие космонавты, летайте спокойно!»

После
приземления
П. Климук и
В. Севостья-
нова 26 июля
1975 года

Леван
Лонгинозович
Стажадзе

Леван Лонгинозович Стажадзе — известный советский и российский врач-анестезиолог, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной академии астронавтики. Возглавил первое в стране отделение реаниматологии в Московском городском научно-исследовательском институте скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, а в 1972—1987 годах руководил отделом медицинского обеспечения пилотируемых космических полетов Института медико-биологических проблем (ИМБП). Один из основателей московской службы медицины катастроф. В настоящее время — главный научный сотрудник в созданном им совместно с Л. Г. Костомаровой Научно-практическом центре экстренной медицинской помощи Департамента здравоохранения столицы (ЦЭМП). Леван Лонгинозович — из тех собеседников, кого можно слушать часами, и всё равно времени не хватит узнать обо всех впечатляющих деталях его биографии — грустных, забавных, поучительных, исторически значимых, поскольку зачастую речь идет отнюдь не о проходных фактах отечественной истории. И фамилии людей, которых он хорошо знал, известны многим. В честь одних названы институты, другие, наоборот, стали зловещим символом ушедшей эпохи. Но независимо от нашего отношения, все это — часть истории, которая, как известно, не знает сослагательного наклонения.

ДЕПАРТАМЕНТ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

ДЕПАРТАМЕНТ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

ДЕПАРТАМЕНТ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

ДЕПАРТАМЕНТ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
ГОРОДА МОСКВЫ

После интервью: фельдшер
Ю. Шибанов, журналист
Н. Лескова и Л. Стажадзе
в конференц-зале ЦЭМП

НИИ СП
им. Н. Скли-
фосовского

— Леван Лонгинозович, что побудило
вас выбрать профессию медика?

— Я грезил химией. Мало того:
вместе с моим другом, с которым за
одной партией отсидели девять лет,
мы готовились подавать документы
в Химико-технологический институт
имени Д. И. Менделеева. Химию зна-
ли отлично. И тут мама меня убеж-
дает: идите лучше в медицинский —
она была фельдшером по образова-
нию. И его мама то же самое говорит!
Решили попробовать. Я предложил:
раз они просят, пойду в Первый мед,
а ты — во Второй. Где лучше окажет-
ся, туда потом один из нас переско-
чит. Так и определились.

— Но вы потом перевелись во Второй
медицинский. Там оказалось лучше?

— Это очень разные вузы. И оба
имели свои плюсы... В Первом меде,
когда я появился там, все КВНщики
как раз собрались. На два курса старше

меня был Алик Аксельрод, создатель
КВН. Учились Лившиц и Левенбук,
в те времена с блеском исполняв-
шие дуэтом «Радионяню» и другие
песни. Аркаша Штейнбок, всем из-
вестный как Аркадий Арканов, Фима
Шульман, Миша Кандрор... Я тоже

Л. Стажадзе делает искусственный массаж сердца В. Волкову. 30 июня 1971 года

Г. Гречко после 96-суточного полета на месте посадки. 16 марта 1978 года

с удовольствием участвовал во всех капустниках. А на втором курсе за не очень приличную шутку в стенгазете меня хотели исключить из комсомола, а это влекло за собой автоматическое исключение из института. Но я в оправдание сослался на одну статью в «Правде», и это помогло: ограничились выговором. Потом меня вызвал ректор и сказал: «Не хочешь во Второй мед перейти, чтобы скандал замять?». «Ой, — говорю, — у меня там друг учиться!». Так вопрос и решился. Распрощался я со всей своей командой КВН. Однако и во Втором нашел несколько ребят, и мы создали свой ансамбль. Назывался «Мечта». Тоже было весело. Хулиганили немножко. Выступали...

— Значит, вот так, с шутками и прибаутками, вы окончили Второй медицинский институт. И стали участковым врачом...

— Это тоже интересная история. Институтом хирургии имени А. В. Вишневского руководил его сын, тоже знаменитый медик, Александр Александрович Вишневский. С моим папой, основателем легендарного ресторана «Арагви» в Москве и известным кулинаром, он дружил. И ко мне тоже хорошо относился. Говорил отцу: «Лонгиноз, Левана только ко мне, сделаю из него отличного хирурга!». А я ведь и хотел быть хирургом. Все складывалось наилучшим образом. Вишневский сделал запрос. И вот наступает день распределения: 12 апреля 1961 года.

— Первый космический полет! Юрий Гагарин!

— Да. И вот представьте: я захожу,

Авиамедицинская бригада
ЦЭМПа — транспортировка
тяжелого пострадавшего

сидит комиссия, председатель, директор института Мария Гавриловна Сироткина, все смотрят на меня, и тут влетает сотрудник и кричит: «Мы запустили человека в космос!». Про меня моментально забывают и куда-то бегут. Ажиотаж просто сумасшедший! Минут через двадцать все возвращаются, садятся за стол. У Марии Гавриловны глаза горят, у меня тоже. С большим воодушевлением она говорит: «Сейчас наступили особые времена, люди вступили в новую эпоху, предстоит совсем по-другому осваивать окружающий мир. Это всех нас невероятно обязывает и побуждает совершать великие поступки. На вас есть запрос. Итак, ваше решение?». И я на одном дыхании говорю — в городскую поликлинику!

— Но ведь собирались к Вишневному?

— Конечно! До этого момента думал, что пойду к нему. Но поддался всеобщему порыву энтузиазма и выбрал место, где никто меня не ждал и не опекал. Решил сам! Отец, конечно, чуть не убил. Говорил: «Сейчас я

позвоню, все перерешим!». Но я проявил твердость.

— Позже не пожалели?

— Никогда. Это колоссальная школа для начинающего врача.

— А как вы попали в Институт Склифосовского?

— Еще одна интересная история! Когда я учился в девятом классе, один наш дальний родственник, Отар Чахунашвили, работал в институте Склифосовского. Позже он уехал в Тбилиси, стал академиком. А тогда сказал мне: «Я сегодня — ответственный дежурный хирург по институту, пойдем, покажу тебе операционную». Все увиденное, конечно, запало мне в душу. И когда закончились три поликлинических года, я решил, что пойду в институт Склифосовского. А водитель, с которым я трудился в неотложке, помогал Борису Александровичу Петрову — академику, научному ру-

ководителю института, машину чинить.

Борис Александрович спрашивает:

— Кем хочешь быть?

Отвечаю:

— Хирургия мне очень нравится. Но сейчас, когда развивается новая специальность — анестезиология, хотелось бы поработать в этом направлении.

— Хорошо. Как твоя фамилия?

тации — изменение кардиограмм при различных видах наркоза. Примерно через три года появилась идея, что надо создавать отделение реанимации.

— *Раньше его не было?*

— Нет. В институте Склифосовского имелся противошоковый кабинет, оборудованный еще по заветам Николая Пирогова: затемненная комната, полная тишина, всё изолировано, больной должен находиться в тишине. А тут ре-

— Стажадзе.

— А Лонгиноз кто тебе?

— Папа.

— Что же ты молчал?!

Так я попал в легендарный Институт Склифосовского. Стал работать анестезиологом, через полтора года защитил кандидатскую диссертацию. К тому моменту я очень хорошо изучил электрокардиографию. В институте много операций проходило под разными наркозами, я со своим кардиографом везде бегал и снимал кардиограмму. И обратил внимание, что у одних и тех же по нозологии больных, но в зависимости от наркоза и даже от способа его проведения, на электрокардиограмме видны разные изменения. Тема моей первой диссер-

Бригада неотложной хирургической помощи ЦНИАГа Минобороны СССР и анестезиолог-реаниматолог Минздрава СССР Л. Стажадзе. 1971 год, Кустанай

шили создавать отделение по всем существующим современным мировым стандартам. Долго думали, кто его возглавит. Петров меня вызывает и говорит: «Слушай, у тебя есть опыт работы в операционной. Давай». И назначили меня руководить этим новым отделением — реанимацией. Опять всё с нуля. Но и этот период моей жизни оказался очень плодотворным и интересным.

— *Затем вас «догнал» космос, так неожиданно ворвавшийся в вашу жизнь 12 апреля 1961 года...*

— В это время начинались длительные полеты. Аветик Игнатьевич

Бурназян, первый заместитель министра здравоохранения, курировал космическую медицину. Он — великий человек! С очень интересной биографией, подлинно государственный деятель.

Тогда должность главного анесте-

лудка. А здесь требовались специалисты более широкого профиля. Тем более, институт Склифосовского не так хорошо оснащен, значит, у него есть клиническое мышление.

— *Вы еще не представляли, о чем речь?*

зиолога занимал ныне здравствующий академик Армен Артаваздович Бунятян, прекрасный врач и человек. Ему поручили создать списки молодых анестезиологов, которые смогут работать в полевых условиях. Нас набралось восемнадцать. Из института Петровского, из института Вишневского, из нашего Склифа. И мы письменно перечислили всё, чем владеем. А я уже реанимацией заведовал, анестезиологию прошел. И когда он увидел, что у меня имеется опыт терапии практически при всех жизнеопасных состояниях, то сразу заинтересовался. Многие ребята, хорошие, знающие, но владели чем-то одним — пульмонологией или, например, лечением заболеваний же-

*В. Быковский и В. Аксенов
на месте посадки «Союза-22»
23 сентября 1976 года*

— Нет. Бурназян заметил: «Знаю, у тебя допуск есть». Допуск был, потому что Склиф работал еще по атомной программе. И он мне рассказывает, что речь идет о длительных космических полетах. Вот с этого момента, говорит, то, что мы с тобой говорим, должно остаться между нами. Ни жене, ни маме, ни друзьям, никому ни слова! Договорились? Я говорю — да, договорились. Значит, продолжает, предстоят длительные полеты, мы тебя поставим в состав бригады неотложной хирургической помощи ПСС ВВС — у них нет ане-

стезиологов, реаниматологов. Ты нужен. Перед этим надо будет съездить в «Звездный городок», специалисты вам расскажут про скафандры, про то, как надо работать со спускаемыми аппаратами.

— Ты сейчас такого наговоришь! Настаиваю:

— Я видел, как летит этот самый шарик, спускаемый аппарат, и понял, какая это «мягкая посадка».

— Там все предусмотрено.

Думаю: вот попал. Начинаю осторожно: «Аветик Игнатьевич, а ведь в институте у меня очень много дел...». Он: «Надо напрячься. Подумай, может быть, ты совсем перейдешь в Институт медико-биологических проблем?». Отвечаю: «Нет, Склиф я не хочу бросать, об этом даже не может быть речи. Можно мне отказаться?». Он засмеялся: «У меня в кабинете отказаться? Да ты что!».

Вот так оказался там. Первый полет встретил, когда летали Владимир Шаталов, Алексей Елисеев, Николай Рукавишников*. У них не получилась стыковка со станцией. Спустились. Чистое поле, в вертолете особо ничего нет. Взяли с собой какие-то инструменты, но ими мало что сделаешь. Я тогда пришел к Бурназяну и говорю:

— Аветик Игнатьевич, это опасно, нужен наркозный аппарат, стол операционный.

Он отмахнулся:

*На месте посадки
21 июля 1975 года с В. Кубасовым. Экспериментальный
полет «Союз» — «Аполлон»*

Опять не соглашаюсь:

— Ребята всего сутки побывали на орбите — еле на ногах стояли. Необходимо!

Короче говоря, убедил. Он все сделал. И специальный операционный стол поставили, и наркозный аппарат в вертолет МИ-8, и дефибрилятор купил французский портативный — это тогда большой дефицит был. Фактически всё, что я написал, весь список через Минздрав мы получили. Во второй раз длительный полет — Волков, Добровольский, Пацаев**.

— Трагическая история! Вы их тоже встречали?

— Да. На место посадки прибыли несколько вертолетов с уважаемыми людьми, с оркестром и пионерами. Ну, естественно, руководство, генералы. Открываем — трупы. Без призна-

* В апреле 1971 года. — *Прим. ред.*

** 6—30 июня 1971 года. — *Прим. ред.*

ков жизни — вырвалось у меня. Эти слова потом и пошли «в эфир».

Немедленно все улетели. Сразу начинает работать комитет*. За десять минут расчистили нам поле. Долго и трудно вытаскивали погибших. Аппарат на боку, они лицами вперед,

перепачканные. Сажает нас в машину на аэродроме Чкаловский и прямым ходом в военный госпиталь имени Бурденко. Там нас встречает Бунятян. Приезжают Бурназян, Петровский, председатель Государственной комиссии по летным испытаниям пилотиру-

*А. Бурназян, академик
О. Газенко, начальник
космического управления
Минздрава СССР Н. Гуровский*

зафиксированы лямками, туда подлезть почти невозможно... Провели всю сердечно-легочную реанимацию. Первое, что я сделал, вколол в сердце иглу — у меня вылетел поршень. Черная кровь, вспененная. Сразу понял, что это взрывная декомпрессия. Вскрыл вену, а оттуда тоже черная, вспененная жидкость. Но, тем не менее, искусственную вентиляцию и непрямой массаж сердца мы сделали, всё записали.

Затем нас всех погрузили в АН-12. Это очень большой транспортный самолет, в котором в том числе поместился спускаемый аппарат. Ну, а мы в гермокабине. По площади это половина моего кабинета. Три трупа и нас двенадцать человек... И так летим шесть часов в Москву. Прямо как есть,

емых кораблей Керим Аббас-Алиевич Керимов, председатель ВПК Леонид Васильевич Смирнов.

Бунятян спрашивает:

— Что произошло?

Отвечаю:

— Взрывная декомпрессия.

— Ты все сделал, что возможно?!

— Абсолютно все.

Сотрудники КГБ сфотографировали и на киноплёнку засняли. Два часа сидим в отдельной комнате — все, кто были на месте посадки. Два часа идет описание. Работает целая когорта патологоанатомов. Потом начинается вскрытие, выносятся диагнозы — взрывная декомпрессия.

И тут нас начинают обихаживать: «Ребята, вы, наверное, голодные, сейчас дадим вам покушать. Здесь вы можете помыться. Посадим в машины и развезем и по домам». Говорю приятелю: «Представляешь, что было бы, разойдись мы сейчас с диагнозом?». Он: «Еще бы!».

— С тех пор приземление стали осуществлять только в скафандрах.

* Комитет государственной безопасности — Прим. ред.

— Да, до этого случая царила уверенность в этих спускаемых аппаратах — летали уже без скафандров. Хотя это неправильно. При наличии скафандров, те космонавты, конечно, получили бы серьезную травму, вроде контузии. Но остались бы живы.

После трагедии меня опять вызвали к Аветику Игнатьевичу. Он предложил: «Слушай, у тебя Склиф будет базой, но надо переходить в ИМБП (Институт медико-биологических проблем), будем создавать лабораторию. Надо сказать, ИМБП в то время являлся чем-то особенным. Такого количества умных людей, где каждый в своей сфере был гигант, я раньше не видел! Институт создан по инициативе Сергея Павловича Королева, в разные годы его возглавляли выдающиеся ученые-академики В. В. Парин, А. В. Лебединский, О. Г. Газенко, А. И. Григорьев. На первом заседании ученого совета я сидел, вжав голову в плечи, чувствуя себя мальчишкой по сравнению с мэтрами. Меня посадили в отдел отбора и подготовки космонавтов, я познакомился со многими летавшими и еще не летавшими. Подружился с Юрой Сенкевичем. Мы летали вместе два раза в год на подготовку в Среднегорье — Иссык-Куль, Бакуриани, Цахадзор, Медео. А в условиях Среднегорья очень хорошо вырабатывается работоспособность. На самом деле мы прекрасно готовили космонавтов к полетам. Потом — послеполетная реабилитация. Отрабатывали повышение иммунитета — всё с лабораторными исследованиями, всё доказательно. Это очень интересная работа!

Кстати, перед длительными полетами состоялось важное заседание Государственной Комиссии с присутствием готовящихся экипажей. Про готовность медицины докладывал А. И. Бурназян. В конце доклада он поведал об усилении ПСС ВВС, завершив словами, которые стали крылатыми: «Дорогие космонавты, всё предусмотрено, летайте спокойно, на Земле вас встретят лучшие реаниматологи Советского Союза!» Реакцию данная фраза вызвала неоднозначную... А я

иногда среди своих коллег по «цеху» в непринужденной обстановке напоминал, что был официально объявлен лучшим реаниматологом страны.

— У вас немало патентов на изобретения.

— В ИМБП проходили эксперименты. Сотрудников-испытателей клали с опущенным головным концом кровати под углом минус 4—8 градусов на разные сроки. Так имитируется влияние некоторых факторов невесомости на организм человека, в том числе и перераспределение жидких сред. На одном ученом совете я выхожу и говорю: «У меня большая просьба — разрешите нам попробовать разные виды наркоза, в том числе внутривенного. Это важно для понимания того, что предстоит делать при наличии сложной ситуации на посадке. Как влияют на организм эти анестетики, релаксанты, режимы искусственной вентиляции?». В итоге мы нашли очень много важного для практического применения в космической медицине. Когда я опубликовал свои работы, вдруг приходит бумага из Французской академии наук. Пальцем о палец для этого не пошевелил! Они сами узнали. А во Франции базируется международная академия астронавтики.

— Членом которой вы сейчас являетесь?

— Сначала стал член-корр. Позже, когда ездил на одну из сессий в австрийский город Грац с докладом по поводу проведения анестезии, возможности хирургических операций в космосе (у меня было уже 5 или 6 патентов на изобретения), избрали действительным членом. Вот смотрите, шприц. Набираем лекарство, поворачиваем, нажимаем на поршень, воздух выходит, делаем укол. В космосе, куда бы ни повернули, воздух с жидкостью не будет разделяться, а воздух вводить в вену опасно.

Что делать? Я как-то вернулся с центрифуги. У меня было вращение голова-таз. Довольно тяжелая процедура. И вдруг мне осенило, что надо для шприца сделать микро-центрифугу: поставить шприц иглой к центру — тогда при вращении образует-

ся искусственная гравитация, и воздух с жидкостью разделится. И, действительно, сработало. Институт тогда располагал очень хорошей производственной базой. Инженеры — «головастики» — быстро соображали. Сделали, запатентовали. Потом операционный стол специальный придумали. В космосе надо многие вещи учитывать из-за того, что человеку предстоит летать далеко и надолго. На Марс, например. Это неизбежно.

— *Вы говорили, что клиническое мышление, наработанное еще в поликлинике, вам не раз пригодилось. В космической медицине тоже?*

— Конечно! После завершения полета по программе «Союз-Аполлон» в какой-то момент у космонавта произошел отток крови, так называемая реадаптация после полета. А американцы уже идут со своими вопросами, интервью брать. Я ему сзади нажимаю на область диафрагмы и говорю: глубокий вдох. Он делает глубокий вдох — у него происходит приток крови к голове. Сейчас подобный метод не практикуется, этот прием описан у старых врачей, модифицированная проба Вальсальвы. Все просто: чем больше приток крови к сердцу, тем оно интенсивнее работает. И чем меньше приток, тем оно становится слабее. Это сработало: у космонавта на глазах порозовело лицо, он нормально себя почувствовал. А так нам пришлось бы его класть, снимать скафандр, в вену вводить препараты.

— *Какие еще вспоминаются случаи, связанные с подготовкой космонавтов?*

— Однажды один из космонавтов во время подготовки к полету на тренировке получил разряд электричества. В судорожном состоянии его отвезли в Центральный Научно-исследовательский авиационный госпиталь (ЦНИАГ). Вызвали меня. Мне приходилось в Склифе заниматься судорогами. Я приехал, специальную схему с тотальной релаксацией с искусственной вентиляцией легких и инфузионной терапией провел — он быстро восстановился. Впоследствии выполнил космический полет без замечаний.

А еще у одного космонавта во время полета вдруг началась аритмия. Встал вопрос — прекращать или не прекращать полет. Я входил в состав групп, которые принимали решение по медицине. И опять же по старым книгам вспомнил, что есть очень хороший способ при аритмии. Это мягкое нажатие на глазные яблоки. Большим пальцем, сильно, но мягко.

— *Напоминает китайскую медицину.*

— Однако это описано именно в наших старых книгах. И космонавт так сделал. Сердечный ритм нормализовался.

В другой полет мы послали на испытание дыхательный аппарат «Фаза-2». И в один из полетов головная боль на уровне дискомфорта никак не проходила у одного из космонавтов. Я ему сказал — надень маску, включи прибор и дай режим «подпорка». Не обращай внимания на то, что тебя немножко будет раздувать. И вы знаете, у него от этого повышенного давления, которое через маску передавалось, произошел отток крови от головы, и наладилось венозное кровообращение. Он спрашивает, сколько раз можно это делать. Отвечаю — хоть каждые пять минут. И всё сработало.